Советская молодежь
г. Рига
30 ИЮН 1976

МУЗЫКА. СЛУШАТЕЛЬ. XX ВЕК.

ДВА ЧАСА С КЛАУДИО АББАДО

ИТАК, после почти десятилетнего перерыва «Ла Скала», один из знаменитейших оперных театров мира, вновь побывал в Москве. И снова — восторги публики, бесконечные овации, снова главный предмет обсуждения — итальянское «бель канто».

Интерес широкой аудитории сосредоточился главным образом на солистах. Психологически это понятно. Проведем аналогию с кино: главная приманка — фамилия актера. Но профессионал с усмешкой объяснит вам, кто «делает погоду» в киноискусстве: режиссер.

То же и в опере. Только здесь центр тяжести перемещается на дирижера. И пусть он внизу, в яме, а вокалисты наверху, на залитой светом сцене, — «командует парадом» именно он. Взгляните, неверующие, на певцов: они не могут, не смеют оторвать взора от повелительной дирижерской палочки!

И вот я беру интервью для «Советской молодежи» у бога сегодняшней «Ла Скала», ее музыкального руководителя и дирижера Клаудио Аббадо. В музыке неистовый трагизм, патетика и размах; в жизни — сдержанность и самоконтроль, никакой экзальтации. За скупыми жестами и четкой речью 40-летнего итальянца ощущается огромная сила.

— Для моей творческой позиции сегодня решающим является воспоминание о деятельности таких двух гигантов дирижерского искусства, как Тосканини и Фуртвенглер. Вне традиций нет искусства, но важно отобрать в наследии лучшее, наиболее ценное. Тосканини олицетворяет собой блеск, трагизм и жизненную силу итальянской оперы. Его верность авторскому тексту — пример артистического подвига. Фуртвенглер был ближе к идее романтического осмысления музыки. Стихия Фуртвенглера — Бетховен, Вагнер, Брукнер. Он привносил в трактовку то, что немцы называют Spannung — немыслимое напряжение.

Мне посчастливилось наблюдать Фуртвенглера за работой. На репетициях в «Ла Скала» он был весьма неразговорчив. Можно было предположить, что причиной тому — незнание языка. Но то же самое увидел я и в Вене. Фуртвенглер не разбрасывал слов. Он стремился к тому, чтобы через уникальный жест выразить магическую суть произведения.

Для меня это было великим уроком. Есть дирижеры, которые на репетициях очень много говорят, пытаясь объяснить музыку словами. Поток слов, целое море слов. Но есть другие способы добиться с оркестрантами общего понимания сочинения. И они кажутся мне более эффективными.

— Имеют ли значение так называемые «человеческие отношения» внутри производственного коллектива, каким, в сущности, является оркестр?

— Имеют, и огромное. Очень важно, чтобы люди понимали и любили друг друга и вне работы. Дирижер тоже не должен сходить к оркестрантам с Олимпа. Напомню опять о Фуртвенглере. Казавшийся недоступным за пультом, «в жизни» он относился к музыкантам тепло и внимательно. Лучше так, а не наоборот, не правда ли? Когда мы — «Ла Скала» — ездим в турне, то живем вместе, вместе осматриваем достопримечательности, с удовольствием занимаемся камерным музицированием. Это моя давняя любовь — камерное музицирование...

— Кто из композиторов представляется Вам наиболее значительными фигурами современного музыкального процесса?

— Разумеется, ответ мой будет субъективным. Назову Ноно Лигети, Пендерецкого. Мне нравятся также ранние опусы таких авторов, как Штокхаузен, Булез, Берио, но их эволюция разочаровывает.

— Считаете ли Вы, что между современной музыкой и широкими кругами ценителей существует разрыв?

— Многие авторы XX века, в том числе и дерзские новаторы, уже стали классиками. Напомню о судьбе творческого наследия Бартока, Прокофьева, Стравинского, Берга. Их сочинения прочно вошли в «репертуарные обоймы» и пользуются всемирной популярностью. Разве это не «современная музыка»?

Конечно, в XX веке слушатель оказался перед лицом сложных эстетических проблем. Музыка нашего столетия отличается резкой неоднородностью. Масканьи и Шенберг творили в одно время, а ведь это два полярных художественных мира! В подобных условиях и от слушателя, и от исполнителя требуются гибкость, пластичность восприятия и мироощущения.

— Ищете ли Вы новые формы контактов со слушателями?

— Разумеется! Это совершенно необходимо! Расскажу об одном из экспериментов. В прошлом году большая группа демократических музыкантов — среди них были и Луиджи Ноно, и замечательный пианист Маурицио Поллини — на месяц поехала в Реджо-Эмилию, нашу «красную область». Выступали мы в самых разных залах, вплоть до спортивных. Играли, прокручивали пленки, отвечали на вопросы. Часто приходили люди, совсем ничего не знавшие о серьезной музыке. Но интерес к новому, жажда познания у трудящихся огромны. Это непредубежденная аудитория, публика без предрассудков и дешевого снобизма. Вопросы, которые нам задавали, бывали иногда очень наивными. Пусть! Я убежден, что семена упали на благодарную почву.

Стремимся мы и к демократизации «Ла Скала». Это общая позиция руководства театра, его директора Паоло Грасси и художественного руководителя Массимо Боджанкино. Напомню о получившем широкий общественный резонанс концерте, организованном в «Ла Скала». Концерт проходил под девизом борьбы против возрождения фашизма. Три тысячи рабочих и студентов с энтузиазмом приняли Пятый фортепианный концерт Бетховена (солировал Поллини) и кантату «Александр Невский» Прокофьева. Кстати, Прокофьев — один из самых моих любимых авторов.

— А каковы Ваши творческие контакты с русской музыкой?

— О, я ее обожаю! Большая моя любовь — Чайковский. Смешно вспоминать, но в юности я его не знал и не понимал. Мне казалось — это банально. Банальным, однако, оказалось рутинное исполнение.

Особое место в моем эстетическом мире занимает Мусоргский. Быть может, это покажется парадоксальным, но я ощущаю его близость к Верди: та же психологическая и социальная насыщенность, та же боль за судьбы народа и страны. От Мусоргского протягиваются нити и к Малеру. Я дирижировал всеми операми русского гения. Очень интересуюсь его эскизами для «Саламбо». Знаю, что Мусоргский не осуществил своего замысла. Но, быть может, возможна его реконструкция? И мы покажем западному слушателю «новую оперу» Мусоргского?

И мы заговорили о «Саламбо».

С. ВОЛКОВ.

НА СНИМКАХ: Клаудио Аббадо; сцена из оперы Верди .